

Научная статья
УДК 398(470.21):911.5
doi:10.37614/2949-1185.2026.5.2.012

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ КОЛЬСКИХ СААМОВ КАК ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПАМЯТИ: ТОПОНИМИЯ, ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ОЗЕРА ИМАНДРА

Ольга Александровна Бодрова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН, Апатиты, Россия
o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Аннотация

В данной статье ментальные карты рассматриваются как аналитический инструмент выявления структуры традиционного пространства, а также как способ реконструкции культурного ландшафта Кольского Севера. Исследуется традиционная ментальная карта кольских саамов как форма пространственного знания, закрепленного в топонимии, фольклоре и практиках взаимодействия с природной средой. Ментальная карта описывается как многослойная культурная модель пространства, включающая когнитивные, символические и социальные элементы. Анализируется структура ментальной карты, включающая топонимический, сакральный, маршрутный и социально-территориальный составляющие. Особое внимание уделяется озеру Имандра как центральному узлу пространственной памяти. Показано, что ментальные карты функционируют как механизм сохранения нематериального культурного наследия и отражают традиционные способы освоения пространства.

Ключевые слова:

ментальные карты, культурный ландшафт, топонимия, фольклор, пространственная и коллективная память, саамы, Имандра, нематериальное культурное наследие, традиционные знания

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме научно-исследовательской работы № FMEZ-2024-0002 и профинансирована из федерального бюджета.

Для цитирования:

Бодрова О. А. Ментальные карты кольских саамов как форма пространственной памяти: топонимия, фольклор и культурный ландшафт озера Имандра // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 5, № 2. С. 131–138. doi:10.37614/2949-1185.2026.5.2.012

Original article

MENTAL MAPS OF THE KOLA SAAMI AS A FORM OF SPATIAL MEMORY: TOPONYMY, FOLKLORE AND THE CULTURAL LANDSCAPE OF LAKE IMANDRA

Olga A. Bodrova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Abstract

The article examines mental maps as an analytical tool for identifying the structure of traditional spatial perception and as a means of reconstructing the cultural landscape of the Kola North. The study explores the traditional mental map of the Kola Saami as a form of spatial knowledge embedded in toponymy, folklore, and practices of interaction with the natural environment. The mental map is conceptualized as a multi-layered cultural model of space that incorporates cognitive, symbolic, and social dimensions. The structure of the mental map is analyzed through its toponymic, sacred, route-based, and socio-territorial components. Particular attention is given to Lake Imandra as a central node of spatial memory. The study demonstrates that mental maps function as a mechanism for preserving intangible cultural heritage and reflect traditional modes of spatial perception and environmental engagement.

Keywords:

mental maps, cultural landscape, toponymy, folklore, spatial and collective memory, Saami, Imandra, intangible cultural heritage, traditional knowledge

Acknowledgments

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Bodrova O. A. Mental maps of the Kola Saami as a form of spatial memory: toponymy, folklore and the cultural landscape of lake Imandra // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2026. Vol. 5, No. 2. P. 131–138. doi:10.37614/2949-1185.2026.5.2.012

Введение

В современной гуманитарной географии и антропологии пространства усиливается интерес к исследованию форм локального знания, закреплённого в культурных практиках, языке и коллективной памяти. Концепция ментальных карт занимает важное место в исследованиях традиционных форм восприятия и организации пространства. Она позволяет анализировать, каким образом представления о территории формируются и закрепляются в культурных практиках. Для коренных народов Севера пространственные представления выполняют не только функцию ориентации, но и служат способом передачи культурно значимой информации, отраженной в топонимии, фольклоре и практиках природопользования.

Современные исследования показывают, что пространство для традиционной культуры не является нейтральной географической данностью, а формируется как историко-культурный ландшафт, в котором закреплёны элементы коллективной памяти, нормы взаимодействия с окружающей средой и представления об идентичности. В этом отношении ментальная карта функционирует как форма сохранения и передачи культурного опыта, связанного с освоением природной среды.

Подобный подход значим также в отношении кольских саамов, традиционная культура которых формировалась в условиях тесного взаимодействия с окружающей природой. Для коренного населения Лапландии пространственная ориентация, маршруты кочевий, сакральные места и хозяйственные ресурсы составляли единую систему знания о территории. Особую роль в системе пространственных представлений кольских саамов играет узел «озеро Имандра», который может рассматриваться как культурно значимый центр, объединяющий сакральные, хозяйственные и коммуникативные функции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа традиционных пространственных знаний как части нематериального культурного наследия. Ментальные карты позволяют выявить способы структурирования пространства, отличные от административных и топографических моделей, и реконструировать культурную географию региона. Отсюда цель исследования — выявить структуру традиционной ментальной карты кольских саамов и определить роль озера Имандра в формировании пространственной модели традиционной культуры. Источниковую базу исследования составляют фольклорные тексты, путевые и полевые очерки второй половины XIX — начала XX вв., топонимические данные, топографические карты.

Теоретико-методологические основы исследования

Понятие ментальной карты сформировалось на пересечении когнитивной психологии, гуманитарной географии и антропологии пространства. В научный дискурс оно было введено К. Троубриджем, констатировавшим эго-характер пространственного восприятия, не тождественного географической реальности и требующего специального изучения, из чего появилось определение «воображаемые карты» (*imaginary maps*) [Trowbridge, 1913]. Впоследствии концепция трансформировалась в когнитивной психологии в понятие «когнитивных карт» как внутренней репрезентации среды, позволяющей организовывать поведение и ориентироваться в пространстве [Tolman, 1948, p. 192]. Э. Толмен первым показал, что процесс навигации основывается не только на механическом усвоении маршрутов, но и на формировании целостного образа пространства [Там же].

В дальнейшем изучение когнитивных карт было развито в гуманитарной географии, прежде всего в работах Р. Даунса и Д. Сти, которые рассматривали когнитивное картирование как систему процессов, через которые человек воспринимает, кодирует и использует пространственную информацию [Downs, Stea, 1973, p. 9]. В их трактовке ментальные карты выступают посредником между средой и поведением.

Существенное расширение понятия произошло в исследованиях К. Линча, посвященных образу городской среды. В своей работе “*The Image of the City*” он выделяет ключевые элементы пространственного восприятия — пути, границы, районы, узлы и ориентиры, формирующие устойчивую структуру образа места [Lynch, 1960, p. 47]. В данном подходе ментальная карта уже не ограничивается когнитивной функцией, а становится формой культурной репрезентации пространства.

В современной гуманитарной географии ментальные карты рассматриваются как часть географического образа территории. Они отражают культурные представления о пространстве и формируются под влиянием исторического опыта, языка и социальных практик. Если пространство трактуется как культурная категория, включающая систему образов, символов и значений, то ментальные карты — как инструмент ориентации и как способ интерпретации пространственного опыта [Kitchin, 1994, p. 3]. Как часть географического образа, ментальная карта становится формой интериоризации пространства, превращающей территорию в элемент культурной памяти: «Культура, для того чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства», — пишет один из ключевых представителей российской гуманитарной географии Д. Н. Замятин [2006, с. 9].

Для исследования этнографии коренных народов важно учитывать, что ментальные карты формируются не только как когнитивные схемы ориентации, но и как системы культурных норм. П. Гулд подчеркивал, что ментальные карты отражают ценностные отношения к территории [Gould, White, 1974, p. 15]. Можно сказать, что в этом смысле ментальная карта является коллективно обусловленной системой пространственных ориентиров, закреплённой в топонимии, нарративах, практиках передвижения и телесном опыте взаимодействия с ландшафтом, где природные объекты выступают носителями культурных смыслов.

В настоящий момент наибольшее распространение изучение ментальных карт получило в урбанистике, в исследованиях городских образов и их социальных аспектов [Веселкова, 2010; Глазков, 2013; Гришина, 2017; Субботина, 2020; Хохолова, Филиппова, 2021 и др.]. Причём до некоторого времени, как отмечают некоторые исследователи, ментальные карты в виде набросков, скетчей, визуальных схем являлись единственным методом изучения пространственных представлений [Глазков, 2013, с. 42]. К числу альтернативных способов изучения данной темы, однако не подразумевающих визуализации, можно отнести предпринятый в настоящей статье анализ топонимии, фольклорных нарративов, путевых и полевых очерков, зафиксировавших традиционные представления кольских саамов о взаимоотношениях с окружающим пространством до того, как социально-экономические и политические процессы первой половины XX в. глобально изменили полукочевой уклад жизни саамского населения Кольского Севера.

Результаты исследования

Анализ пространственных представлений, отраженных в источниках, позволяет рассматривать ментальную карту как сложную многокомпонентную систему, объединяющую сенсорный опыт, коллективную память, языковые формы фиксации пространства и социальные практики взаимодействия с территорией. В отличие от институциональных карт, фиксирующих «твёрдые» географические и другие параметры территории, ментальная карта отражает культурно обусловленные способы освоения пространства и закрепляет знания, передаваемые в традиции. Пространство в данном случае выступает не только как физическая среда, но и как форма культурной памяти, в которой сохраняются представления о происхождении мест, их значимости и способах взаимодействия с ними.

В структуре ментальной карты территории бассейна озера Имандра можно выделить когнитивный, культурный, топонимический, поведенческий и символический компоненты, которые переплетаются и существуют одновременно.

Когнитивный слой ментальной карты связан с ориентацией в пространстве и перцептивным, телесным опытом восприятия ландшафта. Пространство может восприниматься через форму рельефа, направление ветра, характер освещения (свет/тьма) и акустические свойства среды. Другими словами, речь идет о том, как пространство «читается телом». В некоторых случаях подобная память тела может фиксироваться в топонимах (например, в названии озера Пинкельяр, образованного от двух компонентов: ветер+озеро, или острова Высокий, Чокксуол — Островершинный [Географический словарь..., 1939, с. 26, 77]). По всей видимости, к этой же составляющей структуры ментальной карты можно было бы отнести и эмоции, связанные в сознании местного населения с теми или иными природными территориями и ландшафтами (см. подобные исследования, например, в работе Т. В. Жигальцовой [2024]).

В традиционной культуре саамов ориентация в окружающей среде опирается на устойчивые природные ориентиры: горные, каменные, водные объекты, линии побережья, особенности растительности. Не случайно во многих источниках отмечается необыкновенное природное и топографическое чутье саамов как «особая память и привычка к своему краю, навык разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов в волнистом рельефе тундры» [Чарнолуский, 1930, с. 46].

Далее можно отметить, что для традиционной культуры кольских саамов характерна маршрутная логика освоения пространства, при которой территория воспринимается как последовательность переходов между значимыми точками, а не как система фиксированных границ отдельных географических объектов. Пространство осмыслялось через движение и практику пребывания в ландшафте, что соответствует полукочевому образу жизни аборигенов Заполярья. Исследователи отмечают, что пространственные знания саамов формировались в процессе сезонных перемещений и практик природопользования [Vorren, Manker, 1962, p. 45]. Т. Инголд также подчеркивает, что знание местности формируется в процессе движения по ней, а не через абстрактное представление о карте [Ingold, 2000, p. 219].

Ключевую роль в данной системе играет озеро Имандра, выступавшее важнейшей транспортной артерией, соединявшей тундровые, лесные и прибрежные зоны. Маршруты сезонных перемещений, связанных с рыболовством, охотой и оленеводством, формировали единую систему природопользования, объединяющую различные типы ландшафта. Исследования показывают, что пространство традиционного природопользования саамов структурировалось через сеть родовых участков, сезонных маршрутов и сакральных объектов, так как саамские погосты представляли собой комплексные ресурсные территории, включающие пастбища, рыболовные угодья и транспортные пути [Vorren, Manker, 1962, p. 42–48].

Культурный компонент ментальной карты включает коллективную память о территории, закрепленную в традициях, фольклоре и системе норм взаимодействия с природной средой. Так, К. Бассо подчеркивает, что в культурах коренных народов места всегда связаны с историями, которые определяют их значение для сообщества: «мудрость закреплена в местах, а рассказы о них формируют культурную память» [Basso, 1996, p. 34]. А Туан в этой связи отмечает, что пространство становится местом, когда оно наделяется значением [Tuan, 1977, p. 6]. В традиционной культуре кольских саамов пространство также выступает носителем исторического опыта, а знание о местности передается через рассказы, легенды и практики повседневной жизни. Подобное понимание позволяет рассматривать ментальную карту как своеобразную форму коллективного «архива памяти».

«Архивная» информация часто оказывается зашита в системе топонимов, которые в гуманитарной географии рассматриваются как своеобразные «семиотические узлы» пространства, закрепившие в себе культурные значения, исторические события и коллективные представления о территории [Tuan, 1977, p. 179].

Название места в данном контексте выступает не просто номинативной единицей, а формой фиксации опыта взаимодействия человека с окружающей средой, своеобразным знаком памяти, позволяющим интерпретировать пространство через призму культурных представлений. Топонимы фиксируют сведения о природных особенностях местности: характеристиках флоры и фауны (например, Куслуол — о. Еловый, Луоммярк — Морошечный наволок, Майвуай — Бобровый ручей [Географический словарь..., 1939, с. 54, 60, 61]), специфике хозяйственного использования территории (Нилсааткинчлукхт у Мончегубы — губа с четырьмя местами для причаливания лодок [Там же, с. 67]); Шестимежный лог — участок, разделенный на шесть охотничьих угодий [Там же, с. 114]), географическом или символическом статусе отдельных объектов (с. Половинка и другие «половинные» топонимы как дорожный знак «экватора», середины Кольского почтового тракта между Кандалакшей и Колой [Минкин, 1976, с. 117]). Через систему географических названий формируется сеть ориентиров, имеющих устойчивое значение для местного сообщества.

В традиционной культуре кольских саамов топонимия выступает одним из ключевых способов закрепления пространственного знания, связанного с опытом взаимодействия с природной средой. По наблюдению Г. М. Керта, саамская топонимия отражает «видение народом окружающего ландшафта», а «каждое название мотивировано в соответствии с функциональной ролью топонима, особенностями ландшафта и менталитетом народа» [Керт, 2009, с. 25]. В структуре ментальной карты такие названия

функционируют как культурные маркеры, позволяющие закреплять и передавать знания о территории между поколениями. Например, номинации, связанные с животным миром или промысловыми ресурсами (Олений остров, Кумужий остров, Гольцовая река, Щучья губа), отражают хозяйственную значимость территории, тогда как названия, указывающие на особенности рельефа или направления движения (Поворотный наволоок), фиксируют опыт пространственной ориентации.

А. Е. Ферсман передавал, что отсутствие названия у природного объекта часто свидетельствовало о его незначимости в системе традиционного природопользования саамов, что указывает на тесную связь топонимии с практикой освоения территории. Академик рассказал шуточную историю о том, как были записаны со слов имандровских саамов названия географических объектов, которые никакого хозяйственного значения не имели:

— Как зовут этот скалистый наволоок, что вдается в губу? — спросил я саама Архипова.

— Да как зовут, просто зовут — наволоок.

— А вот следующий?

— Это еще наволоок.

— А тот дальше, со скалой у входа в губу?

— Еще, еще наволоок... Ну чего спрашиваешь, нет имен у этих губ да наволоков...

...На месте западных изрезанных берегов красовались тонко выгравированные названия: «Просто-наволоок», от него «Еще-наволоок», а дальше «Еще-еще-наволоок» [Ферсман, 1953, с. 134–135].

Саамская топонимия выступает важнейшим механизмом фиксации пространственного опыта, в котором язык становится инструментом сохранения и передачи культурной информации о ландшафте. Рассмотрение топонимов как элементов ментальной карты позволяет выделить особый **топонимический компонент** пространственной модели, в котором языковая форма служит связующим звеном между природной средой, коллективной памятью и хозяйственными практиками освоения территории.

С культурным компонентом тесно связан **социально-поведенческий компонент** ментальной карты, отражающий практики взаимодействия с территорией, включая те или иные ритуалы, правила поведения и формы социальной активности. Пространство в традиционной культуре саамов регулируется системой норм, определяющих допустимые способы взаимодействия с природными объектами. Например, рассказывая Н. В. Кудрявцеву предание о фантастических существах шишах, обитающих на вершине Шестимежного лога, проводник-саами упоминает, что «осенью лопари ни за что не пойдут вечером этим логом» [Кудрявцев, 1884, с. 231]. В конце беседы также отмечает, что в этом месте, вообще, не принято говорить о шишах: «Не к месту разговор затеяли! Это место дикое, глухое» [Там же]. Наряду с нормами социального поведения здесь можно выделить и принципы безопасного поведения, обусловленного знаниями об особенностях природной среды. В тексте «Сказания о нашествии немцев, и о том, как лопари хитростью избавились от них», записанном В. Ю. Визе от информантки Аграфены Архиповой, упоминается «техника безопасности», которой следуют аборигены, но о которой не знают пришлые захватчики: «На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем по этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем» [Визе, 1917а, с. 20]. Таким образом, социально-поведенческий компонент ментальной карты может рассматриваться как практическая инструкция взаимодействия с пространством, регулирующая отношения человека и среды.

Сакральные элементы занимают значимое место в структуре ментальной карты кольских саамов, формируя особые режимы взаимодействия с территорией, включающие поведенческие нормы, запреты и предписания. Сакральность при этом не локализуется в едином центре, а распределяется по ландшафту, образуя сеть значимых мест, связанных с мифологическими представлениями и коллективной памятью.

В фольклорных и этнографических источниках фиксируются представления о местах, наделенных особым статусом и требующих соблюдения определенных правил поведения. Так, в нарративах о Выдозерском сейде подчеркивается необходимость уважительного отношения к культовым объектам, соблюдения ряда правил (в том числе гендерных запретов). Согласно фольклорному тексту, сейд, находившийся на острове Сейтсуол в Белой Губе, считался обладающим «свирепым» нравом; проплывая мимо него, женщины закрывали лицо, чтобы не навлечь на себя болезнь или несчастье

[Визе, 1917б, с. 68]. Также сейд «не любит шуму»: «“Как придешь на Yun Wudjawt, так громко не кричи”, — учили еще ныне живущих лопарей их отцы» [Там же].

Активное взаимодействие человека и ландшафта наблюдается и в фольклорных сюжетах, связывающих происхождение отдельных географических объектов с мифологическими событиями. В предании о нашествии «немцев» рассказывается о возникновении острова Pylwsuolwisch (Облачный остров), появление которого объясняется магическим воздействием старухи-колдуньи, изменившей природные условия [Визе, 1917а, с. 21]. Подобные нарративы свидетельствуют о включенности природных объектов в систему культурных смыслов и исторической памяти, а в некоторых случаях — и природопользования.

Символический компонент ментальной карты обуславливает формирование образа «своей» и «чужой» территории и коллективной идентичности. Ландшафт выполнял у кольских саамов функцию знаковой системы, отражающей культурные представления о пространстве, и показывал принадлежность к определенной социальной группе или месту. Природные объекты, такие как горные массивы, острова и озера, выступали символическими ориентирами, обозначающими границы сийта (погоста) и включенность в состав своей социально-территориальной группы [Вдовин, 1976, с. 68)].

Знание территории в традиционной культуре кольских саамов тесно связано с родовой памятью и передавалось между поколениями как элемент нематериального культурного наследия [Berkes, 2012, р. 98]. Пространство в данном контексте выступает не только как физическая среда, но и как носитель социально значимой информации: о закреплении конкретных охотничьих и рыболовных участков за определенными семейными группами экостровских саамов, населявших окрестности Имандры (имена их патриархов могли отражаться в топонимах: Григорьев Наволок, Леонтьев Наволок и проч.), о предках и памятных событиях, локализованных в конкретных географических объектах и фольклорных нарративах (см., например, рассказ о деде Калины Архипова Левонтии, которому сейд Kaaba kintsch принес удачу в охоте [Визе, 1917б, с. 66]. Подобная система пространственной памяти не только регулировала хозяйственную деятельность, но и фиксировала принадлежность к роду и сийту как социально-территориальной единице, воспроизводя социальные связи через ландшафт.

Выводы

Данное исследование предлагает рассматривать ментальные карты кольских саамов как многослойную модель пространственного знания, в которой когнитивные, культурные, топонимические, маршрутные и сакральные компоненты образуют единую систему восприятия и «проживания» территории. Анализ топонимии, фольклорных нарративов и этнографических источников показывает, что пространство в традиционной культуре не сводится к физико-географической данности, а выступает формой коллективной памяти, закрепляющей способы взаимодействия человека с природной средой. Ментальная карта функционирует как механизм структурирования культурного опыта, в котором языковые формы, практики передвижения и символические представления взаимно дополняют друг друга.

В ментальной карте экостровских саамов озеро Имандра занимает ключевое положение, выступая связующим элементом культурного ландшафта. Сезонные маршруты, хозяйственные практики и сакральные места соединяют различные природные зоны и формируют устойчивую систему ориентиров, значимых для локального сообщества. Маршрутный характер освоения территории, распределенность сакральных локусов и закреплённые в топонимии сведения о природных ресурсах и исторических событиях указывают на целостный характер традиционного знания, где практический опыт взаимодействия с ландшафтом сочетается с системой символических значений.

Ментальные карты представляют интерес в аспекте изучения и сохранения нематериального культурного наследия, как способ осмысления пространства в традиционной культуре кольских саамов. Обращение к топонимии, фольклорным источникам и данным о традиционном природопользовании делает возможной реконструкцию культурной географии региона и выявление форм пространственной памяти, не закреплённых в административных и картографических описаниях территории. Анализ ментальных карт демонстрирует продуктивность данного подхода для изучения взаимосвязи языка, коллективной памяти и практик освоения природной среды.

Материалы исследования

Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917а. № 1. С. 15–24.

Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917б. № 2. С. 65–73.

Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 3–4. С. 210–242.

Список источников

Вдовин И. С. Социальная организация саамов Кольского полуострова // Советская этнография. 1976. № 5. С. 63–75.

Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 5–29.

Географический словарь Кольского полуострова: в 2 т. Т. 1. Л.: [б. и.], 1939. 145 с.

Глазков К. П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

Глазков К. П. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5 (117). С. 136–151.

Гришина Е. А. Социальное (ментальное) картографирование: возможности и ограничения метода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. Т. 4, № 2. С. 272–277.

Жигальцова Т. В. Знание и память, образы и эмоции жителей сельских поселений побережья Белого моря как нематериальный ресурс развития арктических территорий: монография [электр. изд.]. Архангельск: КИРА, 2024.

Замятин Д. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: [б. и.], 2009. 182 с.

Минкин А. А. Топонимы Мурман. Мурманск: Кн. изд-во, 1976 г. 208 с.

Субботина Т. В. Ментальное картографирование урбосистем // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11 (101). С. 44–50.

Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 328 с.

Хохолова И. С., Филиппова В. В. Ментальные карты северных городов Якутии (Верхоянск и Среднеколымск): социокогнитивный подход // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 40–47.

Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Изд. Государственного Русского географического общества, 1930. 176 с.

Basso K. Wisdom Sits in Places: Landscape and Language Among the Western Apache. Albuquerque, New Mexico: University of New Mexico Press, 1996. 192 p.

Berkes F. Sacred Ecology. New York: Routledge, 2012. 392 p.

Downs R., Stea D. Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior. Chicago: Aldine Publishing Company, 1973. 439 p.

Gould P., White R. Mental Maps. Harmondsworth: Penguin Books, 1974. 204 p.

Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2000. 465 p.

Kitchin R. Cognitive maps: what are they? // J. Environmental Psychology. 1994. Vol. 14. P. 1–19.

Lynch K. The Image of the City. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960. 194 p.

Tolman E. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 189–208.

Trowbridge C. C. On Fundamental Methods of Orientation and “Imaginary Maps” // Science. 1913. Vol. 38, No. 990. P. 888–897.

Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 248 p.

Vorren Ø., Manker E. Lapp Life and Customs: A Survey. Translated by Kathleen McFarlane. London: Oxford University Press, 1962. 184 p.

References

Basso K. Wisdom Sits in Places: Landscape and Language Among the Western Apache. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1996, 192 p.

Berkes F. Sacred Ecology. New York, Routledge, 2012, 392 p.

Charnoluski V. V. Materialy po bytu loparei: Opyt opredeleniya kochevogo sostoyaniya loparei vostochnoi chasti Kol'skogo poluostrova [Materials on the life of the Lapps: an attempt to define the nomadic condition of the Lapps of the eastern part of the Kola Peninsula]. Leningrad, Russian Geographical Society Publ., 1930, 176 p.

- Downs R., Stea D. Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior. Chicago, Aldine Publishing Company, 1973, 439 p.
- Fersman A. E. *Vospominaniya o kamne* [Memories of stone]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953, 328 p.
- Gould P., White R. Mental Maps. Harmondsworth, Penguin Books, 1974, 204 p.
- Geograficheskii slovar' Kol'skogo poluostrova* [Geographical dictionary of the Kola Peninsula]. Leningrad, 1939, Vol. 1, 145 p.
- Glazkov K. P. Ekskursiya po gorodu: mental'nye karty kak instrument izucheniya obraza goroda [City экскурсия: mental maps as a tool for studying the urban image]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 2013, No. 5 (117), pp. 136–151. (In Russ.).
- Glazkov K. P. Mental'nye karty: sposoby analiza, pogreshnost' i prostranstvennaya metrika [Mental maps: methods of analysis, error and spatial metrics]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, No. 3, pp. 39–56. (In Russ.).
- Grishina E. A. Sotsial'noe (mental'noe) kartografirovanie: vozmozhnosti i ogranicheniya metoda [Social (mental) mapping: possibilities and limitations of the method]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie"* [RSUH Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"], 2017, Vol. 4, No. 2, pp. 272–277. (In Russ.).
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London, Routledge, 2000, 465 p.
- Kert G. M. *Saamskaya toponimnaya leksika* [Saami toponymic vocabulary]. Petrozavodsk, 2009, 182 p.
- Khorolova I. S., Filippova V. V. Mental'nye karty severnykh gorodov Yakutii (Verkhoyansk i Srednekolymsk): sotsiokognitivnyi podkhod [Mental maps of northern cities of Yakutia (Verkhoyansk and Srednekolymsk): socio-cognitive approach]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2021, No. 3 (83), pp. 40–47. (In Russ.).
- Kitchin R. Cognitive maps: what are they? *Journal of Environmental Psychology*, 1994, Vol. 14, pp. 1–19.
- Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA, MIT Press, 1960, 194 p.
- Minkin A. A. *Toponimy Murmana* [Toponyms of Murman]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, 208 p.
- Subbotina T. V. Mental'noe kartografirovanie urbosistem [Mental mapping of urban systems]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2020, No. 11 (101), pp. 44–50. (In Russ.).
- Tolman E. Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*, 1948, Vol. 55, pp. 189–208.
- Trowbridge C. C. On fundamental methods of orientation and "imaginary maps". *Science*, 1913, Vol. 38, No. 990, pp. 888–897.
- Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1977, 248 p.
- Vdovin I. S. Sotsial'naya organizatsiya saamov Kol'skogo poluostrova [Social organization of the Saami of the Kola Peninsula]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1976, No. 5, pp. 63–75. (In Russ.).
- Veselkova N. V. Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniya [Mental maps of the city: methodological issues and practice of application]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 2010, No. 31, pp. 5–29. (In Russ.).
- Vorren Ø., Manker E. Lapp Life and Customs: A Survey. Translated by Kathleen McFarlane. London, Oxford University Press, 1962, 184 p.
- Zamyatin D. *Kul'tura i prostranstvo* [Culture and space]. Moscow, Znack, 2006, 488 p.
- Zhigal'tsova T. V. Znanie i pamyat', obrazy i emotsii zhitel'ei sel'skikh poselenii poberezh'ya Belogo morya kak nematerial'nyi resurs razvitiya arkticheskikh territorii [Knowledge and memory, images and emotions of residents of rural settlements on the White Sea coast as an intangible resource for the development of Arctic territories]. Arkhangelsk, KIRA, 2024.

Информация об авторе

Бодрова О. А. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

Bodrova O. A. — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.
The article was submitted 22.04.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.